

DOI:10.24290/1029-3736-2017-23-4-32-44

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОНСЕРВАТИЗМ ИЛИ ИННОВАЦИЙ*

В.В. Миронов, докт. философ. наук, проф., зав. кафедрой онтологии и теории познания, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корр. РАН, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Москва, Россия, 119991**

Использование терминов “консервативное” и “инновационное” по отношению к образованию произошло сравнительно недавно. В 1978 г. в докладе Римскому клубу группа ученых обратила внимание на факт неадекватности принципов традиционного обучения требованиям современного общества к личности, к развитию ее познавательных возможностей. В этом докладе инновационное образование определялось как “ориентированное на создание готовности личности к быстро наступающим переменам в обществе, готовности к неопределенному будущему за счет развития способностей к творчеству, к разнообразным формам мышления, а также к сотрудничеству с другими людьми”. Фактически, с этого момента был запущен механизм реформирования системы образования в наиболее развитых странах мира.

Наша страна подключилась к этому процессу позже, тем не менее, реформа образования в современной России продолжается уже более 20 лет, причем часто мы идем вслед за Западом в ситуации, когда там уже от этого начинают отказываться. Чуть позже реформы переименовали в процесс модернизации образования, придав всему почти вечный характер и по сути подчеркнув фактор неопределенности данного процесса, переводя систему изменений в постоянное состояние, что весьма некомфортно и для тех кто учится, и для тех кто учит.

Ключевые слова: образование, университеты, университетское образование, консерватизм, инновации.

UNIVERSITY EDUCATION: CONSERVATISM OR INNOVATION

Mironov Vladimir V., corresponding member of RAS, PhD in Philosophy, professor, dean of Faculty of Philosophy in MSU, head of Ontology and theory of knowledge department, Lomonosovsky prospect, 27, build. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ontol@philos.msu.ru

The use of the terms “conservative” and “innovative” in relation to education occurred relatively recently. In 1978, in a report to the Club of Rome, a

* Пленарный доклад на XI международной научной конференции “Сорокинские чтения” “Университет в глобальном мире: новый статус и миссия” Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова 20 февраля 2017 года.

** **Миронов Владимир Васильевич**, e-mail: ontol@philos.msu.ru

group of scientists drew attention to the inadequacy of the principles of traditional education to the requirements of modern society for the individual, to the development of her cognitive abilities. In this report, innovative education was defined as “focused on creating a person’s readiness for rapidly advancing changes in society, readiness for an uncertain future through the development of creativity, diverse forms of thinking, and cooperation with others”. In fact, from that moment the mechanism of reforming the education system in the most developed countries of the world was launched. Our country joined this process later, nevertheless the education reform in modern Russia has been going on for more than 20 years, and often we follow the West in a situation where it is already beginning to be abandoned there. A little later, the reforms were renamed into the process of modernization of education, giving everything an almost eternal character, and in fact highlighting the uncertainty of this process, shifting the system of changes to a permanent state, which is very uncomfortable for those who study and for those who teach.

Key words: education, universities, university education, conservatism, innovation.

Использование терминов “консервативное” и “инновационное” по отношению к образованию произошло сравнительно недавно. В 1978 г. в докладе Римскому клубу группа ученых обратила внимание на факт неадекватности принципов традиционного обучения требованиям современного общества к личности, к развитию ее познавательных возможностей. В этом докладе инновационное образование определялось как “ориентированное на создание готовности личности к быстро наступающим переменам в обществе, готовности к неопределенному будущему за счет развития способностей к творчеству, к разнообразным формам мышления, а также к сотрудничеству с другими людьми”¹. Фактически, с этого момента был запущен механизм реформирования системы образования в наиболее развитых странах мира.

Наша страна подключилась к этому процессу позже, тем не менее *реформа образования в современной России продолжается уже более 20 лет*, причем часто мы идем вслед за Западом в ситуации, когда там уже от этого начинают отказываться. Чуть позже реформы переименовали в процесс модернизации образования, придав всему почти вечный характер и по сути подчеркнув фактор неопределенности данного процесса, переводя систему изменений в постоянное состояние, что весьма некомфортно и для тех кто учится, и для тех кто учит.

¹ Инновационное обучение: стратегия и практика // Материалы первого научно-практического семинара психологов и организаторов школьного образования. Сочи, 3–10 октября 1993 г. / Под ред. В.Я. Ляудис. М., 1994. С. 6–7.

Такова судьба многих реформ в России. Уже начиная с Петра Первого спецификой процесса реформирования в стране выступает его бурное начало, как правило связанное с идеями некоего “радикального либерализма”. Одновременно формируется оппозиция этому в лице, не менее радикального “государственного патернализма”. Последнее часто обозначают как консервативное крыло, сопротивляющееся реформам. Таким образом, мы все время наблюдаем *“устойчивое чередование реформаторских и контрреформаторских волн”* и реформы *“всякий раз фатально не столько лечат, сколько калечат российское общество”*². *Такого рода колебательные и неопределенные процессы порождают психологически настроенное к ним отношение со стороны общества. Внутреннее либеральное содержание реформы не адаптированное к нашему обществу, деформируется и реализуется как ряд спонтанных изменений, которые лишь ухудшают ситуацию. Все это характерно и для реформ в образовании. Причем большая часть профессорско-преподавательского состава как и студентов, то есть основных участников образовательного процесса, выступают здесь лишь в качестве объекта эксперимента, на котором проверяются те или иные модели, часто без необходимой общественной экспертизы. В частности, сейчас мы переживаем бум внедрения наукометрических показателей, которые я в одной из статей обозначил как разновидность безумия*³.

Внутренней причиной реформирования образования во всех развитых странах мира стал процесс глобализации, т.е. становления единой мировой системы во всех областях человеческой жизни. Формирующийся транснациональный рынок, декларируя конкурентность, как основной принцип функционирования рыночного хозяйства, одновременно заинтересован в сохранении сложившейся конфигурации. Это приводит к доминированию в такой системе одной или немногих стран — лидеров, которые активно и агрессивно стремятся занять ведущие позиции. Образование здесь является существенной сферой борьбы за лидерство, ибо может в случае успеха, обеспечить стратегические преимущества. Тот кто останется в роли аутсайдера — сможет участвовать в лучшем случае лишь в процессе поставки “образовательного сырья”, как и в случае с природными ресурсами. В результате, возникают образовательные зоны, которые активно отграничиваются от особенностей национальных образовательных систем, при внешнем декларировании общих глобальных задач. Модные ныне рейтинги, схемы цитирования как раз и

² См.: Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. URL: <http://ss.xsp.ru/st/003>

³ См.: Миронов В.В. Наукометрия как разновидность безумия // Сократ. Журнал современной философии. 2016. Сент. С. 8–11. URL: <http://socrat-online.ru/page/naukometrija-kak-raznovidnost-bezumija>

выступают такими ограничивающими барьерами, которые очень трудно преодолеть. Не случайно это вызывает протесты не только у нас в стране, но и во многих других странах.

К реформированию образования необходимо подходить очень взвешенно, ибо оно является системообразующей частью культуры, а не просто сферой услуг. В систему образования или образовательную деятельность тем или иным образом втянуто большинство населения страны. В Российской Федерации в 2016 г. функционирует около 43,2 тыс. муниципальных и государственных общеобразовательных организаций, а также 751 частная школа. В школах работают 1,36 млн учителей. Численность учащихся общеобразовательных школ в 2015–2016 учебном году составила 14,1 млн человек, что на 4% (543,3 тыс. человек) больше, чем в прошлом году. Численность педагогических работников общеобразовательных организаций составляет 1,278 млн человек, из них 1,048 тыс. учителей.

Долгое время Россия имела один из самых высоких в мире уровней образования, доставшийся нам в наследство от предыдущего периода ее развития. Это могло стать фактором устойчивого экономического роста, способного вывести Россию в число наиболее развитых стран мира. Однако этого не произошло, как мне кажется, именно из-за принятой модели реформирования образования.

Как же готовилась и проводилась реформа, которая в настоящее время, как мне представляется, будет существенно корректироваться.

В основу идеологии процесса модернизации была положена задача либерализации системы управления образованием и приведения ее механизмов в соответствие с новыми социальными и экономическими условиями. Главным регулятором объявили рынок образовательных услуг. Это усилило деформацию системы образования и ее откат от нацеленности на фундаментальную науку и привело к безудержному росту числа студентов, получающих высшее образование.

Реформаторам “помогла” изменившаяся демографическая ситуация, если можно это назвать везением для страны в целом. После 1992 г., когда был достигнут численный максимум населения страны – 148,7 млн человек, началось устойчивое снижение. В начале 2000 г. насчитывалось 3500 вузов вместе с филиалами. По отношению к 2005 г., когда был достигнут максимум обучающейся молодежи, ее численность уменьшится “в 2012 году – на 2,7 млн, в 2016 году – на 2,9 млн, в 2020 году – на 2,5 млн и в 2025 году – на 1,3 млн человек”⁴. За счет этого стало возможным провести сокращение

⁴ Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М., 2010. С. 153.

вузов. В Российской Федерации функционирует 950 образовательных организаций высшего образования и около 1300 филиалов. В 2014–2015 учебном году их количество составляло 969 и 1400 соответственно. Общее количество студентов на 2015 г. составляло 5,2 млн человек (сократилось относительно 2013–2014 учебного года на 7,8%), общая численность штатных педагогических работников в вузах сократилась относительно 2013–2014 учебного года на 6,31% и составляет 299,8 тыс. человек. Значительно усилилась диспропорция в подготовке специалистов. Лозунг об обеспечении выбора образовательной траектории прежде всего индивидом, приводит к резкому росту числа студентов на специальности, затребованные рынком (экономического, управленческого и юридического профиля) и, напротив, к падению числа студентов фундаментальных специальностей. Естественно, что формирующиеся как грибы после дождя коммерческие вузы не открывают у себя такие направления как физика или биология. Понижается роль образования, основанного на фундаментальной науке, которое обеспечивает решение стратегических задач, стоящих перед обществом.

Резко увеличивается платный сектор. На платное обучение в 2011 г. поступили 110 тыс. человек, а на бюджет – 235 тыс. человек⁵. Таким образом, в 2011 г. в России насчитывается примерно 7,336 млн студентов, из которых 4,416 млн составляют студенты, обучающиеся за плату, а к 2015 г. при общем сокращении численности учащихся прогнозируется, что количество платных и бюджетных мест в вузах будет приблизительно одинаковым⁶. Сфера образования становится весьма мощным бизнесом. И все это происходило на фоне недостаточного финансирования бюджетного образования, которое обеспечивало от 25 до 40% расчетной нормативной потребности. Общественному сознанию навязывается мнение, что тенденция роста доли платного образования – это общемировая тенденция, хотя это далеко не так. Например, в Германии даже происходит нечто обратное. Два или три года назад последние две земли Германии – Бавария и Баден-Вюртемберг – полностью отказались от платного образования. Нововведения распространяется не только на жителей Германии, но даже на иностранцев. Это сегодня 379 высших учебных заведений, где обучается 2,4 млн студентов. Имеется небольшое количество частных образовательных учреждений, число студентов в которых менее 5% от общего числа

⁵ Фурсенко положительно оценил вступительную кампанию // Взгляд. 2011. 30 авг. URL: <http://vz.ru/news/2011/8/30/518480.html>

⁶ “... к 2015 году общая численность учащихся вузов сократится до 5,484 млн, в том числе 2,842 млн на бесплатных местах и 2,642 млн – на платных”. URL: http://www.infox.ru/science/enlightenment/2010/01/03/Fursenko_iz_za_dye.phtml

студентов. Немецкий сенатор комитета по науке в Гамбурге Дороти Штапельфельд назвала плату за обучение “социальной несправедливостью”. Ключевой задачей политиков является обеспечение надлежащих условий для образования молодежи в Германии, а также возможность получать качественное высшее образование бесплатно. Замечу, что ранее плата за семестр в среднем составляла от 500 до 1000 евро (заметьте, это еще при старом курсе), что было признано непосильным для многих немецких семей. В Германии считают, что высшее образование – это государственная система, и она должна финансироваться государством. Более того, Федеральный министр образования заявил, что уровень финансовой поддержки нуждающихся студентов существенно возрастет в 2016–2017 учебному году. Правда, такое дополнительное финансирование с 2005 г. осуществляется в результате конкуренции по программе “Превосходство в науке”. Это пример стратегически правильного решения, которое обязательно позже даст и финансовый эффект за счет привлечения специалистов из других стран. Согласитесь, есть о чем задуматься, ведь у нас именно высокая цена обучения, особенно в мегаполисах, уже привела к резкому сокращению количества иностранных студентов.

Иначе говоря, роль государства в образовании должна быть очень существенной. Государственная поддержка высшей школы должна нарастать. “Исходя из опыта индустриальных стран, учитывавших вклад образования в обеспечение экономического роста и социального единства страны, можно сказать, что общий уровень инвестиций в образование должен составлять от 4 до 6 процентов валового внутреннего продукта (ВВП). При этом расходы на высшую школу, как правило, составляют от 15 до 20 процентов всех расходов на государственное образование”⁷. Мы пока отстаем в реальном финансировании образования. По данным Всемирного банка на 2014 г., наша страна находится на 98-м месте, США – на 52-м, Германия – на 79-м. Кстати, Куба занимает в этом списке третье место с показателем фантастическим 12,9. Здесь конечно нужно вносить коррекцию величины страны и объема валового продукта в целом⁸.

Заявленный процесс “экономизации образования” в наших реформах трактуется как прямая его коммерциализация, когда от образования хотят получить быструю отдачу в виде финансовой прибыли за счет безудержного расширения сектора платного об-

⁷ Формирование общества, основанного на знаниях: новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. С. XXIII. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/se.pdf>

⁸ <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>

разования. На самом деле, экономизация образования должно рассматривать последнее как важнейшую часть общего экономического механизма страны не с позиции получения прямой прибыли, а с позиции долгосрочных следствий развития образования, которые впоследствии могут дать несравнимую с прямой коммерциализацией выгоду, основанную на внедрении открытий и инноваций, связанных с достижениями в фундаментальных науках.

Для того чтобы начать эти реформы в нашей стране необходимо было “идеологически завести” общественное сознание. На фоне распада вузов, раздачи и сдачи имущества вузов в аренду, резко упавшей зарплаты и роста недовольства, падения качества образования в 1990-е гг. необходимо было найти образ главного врага развития образования, борьба с которым объединит всех. Понятно, что в России таким трикстером выступает коррупция. Ведь именно так для большинства населения обосновывалась идея необходимости введения механизма “ЕГЭ – ГИФО” и это в период нищенским существованием преподавательского состава вузов. Общество должно было поверить в эффективность ЕГЭ. ГИФО, в свою очередь, должны была изменить систему финансирования, создать условия для того, чтобы вузы начали бороться за абитуриентов, которые становились источником поступления бюджетных денег в вузы.

Идея ГИФО рухнула почти сразу, после того как были опубликованы данные Министерства образования о выделения финансовых средств на реализацию данной идеи. Были утверждены следующие годовые величины ГИФО на 2002 г. в соответствии с их категориями⁹.

- I категория – 14500 рублей;
- II категория – 5000 рублей;
- III категория – 3900 рублей;
- IV категория – 2800 рублей;
- V категория – 1200 рублей.

Это была своеобразная проба “финансового манипулирования”, которая сразу указывала, что абитуриентов первой категории не должно быть слишком много. Итоги экспериментального приема это и подтвердили. На 2003 г. были утверждены еще меньшие суммы ГИФО, в том числе и для первой категории:

- I категория – 12500 рублей;
- II категория – 7200 рублей;
- III категория – 3000 рублей;

⁹ Основные итоги работы системы образования в 2002 г. по реализации концепции модернизации российского образования на период до 2010 года.: Аналитический доклад Министерства образования Российской Федерации. М., 2003. С. 44.

– IV категория – 2000 рублей;

– V категория – 700 рублей¹⁰.

Красивая теоретически идея и рассуждения реформаторов о том, что чем лучше абитуриент сдаст ЕГЭ, тем большую сумму он принесет в вуз и благодаря этому в совокупности будет превышено бюджетное финансирование, полностью провалились.

ЕГЭ (на что сразу обращалось внимание) в качестве единственного критерия приема в вузы разрушил *мотивированность* абитуриентов при выборе специальности. Долгосрочным его следствием стало *разрушение системы школьного образования*. Главной задачей школы стало натаскивание на поступление. Сегодня трудно себе представить, что могло бы произойти, если бы не было “консервативного” сдерживания, которое само по себе не является чем-то негативным¹¹.

Важным звеном модернизации образования стало вступление России в так называемый болонский процесс, представляющий собой тип конструирования массового образовательного пространства. В Европе это объясняется тем, что приходилось решать проблему огромных миграционных потоков молодежи, которые ее захлестнули. Но массовое образование не может быть одинаково качественным, поэтому реально произошло понижение уровня качества образования. Массовое образование не может финансироваться в той же степени. Поэтому ищут пути понижения средств, выделяемых на образование, т.е. перевод его на ту же самоокупаемость. На уровне деклараций с болонскими принципами трудно спорить. Декларируется расширение доступа к европейскому образованию, повышение мобильности студентов и преподавателей. Все это должно способствовать формированию европейской идентичности. Но всегда ли идентичность хороша? Ведь единство не должно означать тождества, а, напротив, предполагать сложную и гибкую модель, включающую различные подсистемы. Унификация может снизить качественный уровень образования. Поэтому, когда мы говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главу угла. А вот у нас часто происходит нечто странное: мы присоединяемся к конвенции на чужих условиях. Приведу фрагмент выступления бывшего министра образования и науки РФ – человека, которого я очень уважаю и считаю, что министром он был весьма

¹⁰Приказ Минвуза РФ от 26.03.2002, № 1193 “Об утверждении на 2003 год величины ГИФО в зависимости от их категорий”. М., 2002.

¹¹ *Мионов В.* Московский университет консервативен в академическом смысле. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Moskovskij-universitet-konservativen-v-akademicheskom-smysle>

достойным. Владимир Михайлович Филиппов на международной конференции в Санкт-Петербурге в декабре 2002 г. (я в ней участвовал как проректор, в том числе и в прямой дискуссии) заявил: “Я прошу прощения у коллег из Совета Европы, из ЮНЕСКО, но я должен откровенно сказать: я считаю, что *от вступления России в Болонский процесс вузы в большей степени потеряют* (курсив мой. — В.М.). Но и стоять в стороне от этого процесса мы тоже не можем. Когда сейчас уже больше тридцати государств подписали Болонскую декларацию, а на определенном этапе они подпишут программу о зачетных единицах и образовании друг с другом, Россия не может оказаться вне этого круга”¹². Подготовка бакалавров, как правило, не предполагают специализации в конкретной области науки. В результате *произошло понижение уровня фундаментальности образования* на уровне бакалавра, и нагнать его на уровне магистра будет невозможно из-за небольшого количества учебных часов. *Сегодня бакалавриат — это пролонгированное школьное образование, позволяющее адаптироваться к условиям рынка, но не более.*

Новым и неожиданным для нас несколько лет назад стала такая особенность проводимых реформ как *резкое усиление государственного и финансового контроля над образованием*. Логика такого подхода кажется достаточно прозрачной и убедительной. Деньги на образование, особенно из бюджетной сферы, выделяет государство. Следовательно, контроль над расходами также должно осуществляться государством.

В связи с этим университеты теряют свою автономность, которая всегда была присуща университетскому образованию. Утрачивая свою автономию они, превращаются в своеобразные государственные институты, которые должны обеспечивать решение не задач чистой науки, а реализовывать непосредственные задачи, стоящие перед производством и страной. *Профессор в большей степени превращается в чиновника, сфера деятельности которого достаточно жестко регламентирована, причем настолько, что просто не оставляет времени для научной работы и для самосовершенствования как преподавателя.*

Не надо думать, что это придумали наши реформаторы. Гораздо раньше это началось на Западе. Саймон Хед, анализируя целый ряд документов, связанных с оценкой реформ в английском высшем образовании, отмечает: “В жизнь британских университетов,

¹² *Филиппов В.М.* Актуальность Болонской декларации для российского высшего образования: Выступление на международной конференции. Санкт-Петербург: Декабрь. 2002 // Болонский процесс и качество образования. Ч. 2. Нижний Новгород, 2005. С. 20–28. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/publisher_db/files/47/5.pdf

в том числе Оксфорда и Кембриджа, все больше вторгается система государственного контроля, которая подрывает то, на чем зиждется их международный престиж – качество образования и научной работы. Орудием этого вторжения стали управленческие методики в основном американского происхождения, зародившиеся в школах бизнеса и компаниях, занимающихся управленческим консалтингом... Такой альянс государственного и частного секторов всерьез угрожает академической свободе в Великобритании”¹³.

Главным механизмом контроля над университетами в Великобритании, и это следует отметить особо, становится система ужесточения финансового контроля, которая была призвана “оправдать” затраты на образование. Университетам были навязаны управленческие технологии, связанные с различного рода критериями проверки эффективности функционирования вузов, которые на самом деле не имеют отношения к реальной науке.¹⁴ Причем, как отмечает автор, невыносимо то, что сами эти критерии меняются вслед за сменой политической власти, и вместо стабильной ситуации, в которой должна развиваться наука, она развивается в некой турбулентности.

Соответственно, как было уже отмечено, научные исследования и работа профессоров становятся частью общей “бюрократической вертикали, работающей по принципу командного контроля. На самом вершине этой вертикали – Министерство финансов, внизу – ученые, исследователи, упорно работающие в библиотеках, архивах и лабораториях; а между ними – HEFCE, ректораты, администрации университетских подразделений и факультетов”¹⁵. Такая система позволяет перераспределять финансирование вузов, которые фактически должны научиться “отчитываться” по данным показателям. Поскольку профессорам необходимо “выживать” в этих новых условиях, они научились писать отчеты и горы научной документации, “так что пришлось хранить их в пустующих самолетных ангарах”¹⁶.

Такая форма контроля эффективности привела даже к мерам по подсчету “убытков”, которые могут нанести ученые, не отвечающие данным критериям. Абсурдно, но факт: в одном из американских университетов эти убытки были подсчитаны и предъявлены университетской администрацией некоторым профессорам. “За 2008/09 академический год университетская администрация

¹³ Хед С. Что угрожает британским университетам? // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 282.

¹⁴ Хед С. Указ. соч. С. 284.

¹⁵ Там же. С. 287.

¹⁶ Там же.

предоставила каждому преподавателю “баланс прибылей и убытков”, который показывал, компенсировался ли “убыток” (т.е. жалование преподавателя) “прибылью”, которую преподаватель принес университету в виде “студенточасов”. Если “убыток” от жалования преподавателя превышает “доход” в “студенточасах”, то преподаватель “должен” университету”¹⁷.

Таким образом, мы видим, что происходит деформация самого понятия инновации, когда новое вводится просто в силу его новизны, тогда как на самом деле оно является результатом, в том числе и предшествующего развития. **Инновация и консерватизм в образовании вовсе не противоречат друг другу. Консервативность фиксирует важность образования как системообразующего фундамента культуры, его связь с историей данной культуры, что должно определять и модели конкретные развития образования в той или иной стране. Инновация – момент общего процесса развития, будь то наука или образования и ее абсолютизация, так называемые инновации ради инноваций, могут нанести скорее вред, чем пользу, так ведут к разрывам в целостном процессе развития той или иной системы.** Любая инновация должна базироваться на как можно более глубоком изучении предмета, что в классической образовательной парадигме обозначается как ориентация на фундаментальную науку и фундаментальное знание. Поэтому призывы к инновационному образованию с целью формирования некой реакции и готовности сознания к изменениям в обществе, может, напротив, сформировать высокую степень “реактивности”, которая, однако, может оказаться “пустой” в силу недостаточности именно глубоких знаний, которые должны лежать в основе адекватного реагирования на неопределенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аналитический доклад Министерства образования Российской Федерации. М., 2003.

Инновационное обучение: стратегия и практика // Материалы первого научно-практического семинара психологов и организаторов школьного образования. Сочи, 3–10 октября 1993 г. / Под ред. В.Я. Ляудис. М., 1994.

“...к 2015 году общая численность учащихся вузов сократится до 5,484 млн, в том числе 2,842 млн на бесплатных местах и 2,642 млн – на платных”. URL: http://www.infox.ru/science/enlightenment/2010/01/03/Fursyenko_iz_za_dye.phtml

Мионов В. Московский университет консервативен в академическом смысле. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Moskovskij-universitet-konservativen-v-akademicheskom-smysle>

¹⁷ Хед С. Указ. соч. С. 292.

Миронов В.В. Наукометрия как разновидность безумия // Сократ. Журнал современной философии. 2016. Сент. С. 8–11. URL: <http://socrat-online.ru/page/naukometrija-kak-raznovidnost-bezumija>

Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под. ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М., 2010.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. URL: <http://ss.xsp.ru/st/003>

Приказ Минвуза РФ от 26.03.2002, № 1193 “Об утверждении на 2003 год величины ГИФО в зависимости от их категорий”. М., 2002.

Филиппов В.М. Актуальность Болонской декларации для российского высшего образования: Выступление на международной конференции. Санкт-Петербург. Декабрь. 2002 // Болонский процесс и качество образования. Ч. 2. Нижний Новгород, 2005. С. 20–28. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/publisher_db/files/47/5.pdf

Формирование общества, основанного на знаниях: новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. С. XXIII. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/se.pdf>

Фурсенко положительно оценил вступительную кампанию // Взгляд. 2011. 30 авг. URL: <http://vz.ru/news/2011/8/30/518480.html>

Хед С. Что угрожает британским университетам? // Вопросы образования. 2011. № 2.

REFERENCES

Analiticheskij doklad Ministerstva obrazovanija Rossijskoj Federacii [Analytical report of the Ministry of Education of the Russian Federation]. М., 2003 (in Russian).

Filippov V.M. Aktual'nost' Bolonskoj deklaracii dlja rossijskogo vysshego obrazovanija: Vystuplenie na mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg, Dekabr'. 2002 [The relevance of the Bologna Declaration for Russian higher education: Speech at an international conference. St. Petersburg, December. 2002] // Bolonskij process i kachestvo obrazovanija. Ch. 2. Nizhnij Novgorod, 2005. S. 20–28. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/publisher_db/files/47/5.pdf (in Russian).

Formirovanie obshhestva, osnovannogo na znaniyah: novye zadachi vysshej shkoly. Doklad Vsemirnogo banka. S. XXIII. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/se.pdf> (in Russian).

Fursenko polozhitel'no ocenil vstupitel'nuju kampaniju // Vzglyad. 2011. 30 avg. URL: <http://vz.ru/news/2011/8/30/518480.html> (in Russian).

Hed S. Chto ugrozhaet britanskim universitetam? [What threatens British universities?] // Voprosy obrazovanija. 2011. N 2 (in Russian).

<http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info> (in Russian).

Innovacionnoe obuchenie: strategija i praktika [Innovative Learning: Strategy and Practice. Proceedings of the first scientific and practical seminar of psychologists and organizers of school education. Sochi, October 3–10, 1993] // Materialy pervogo nauchno-prakticheskogo seminaru psihologov i organizatorov skol'nogo

obrazovanija. Sochi, 3–10 oktjabrja 1993 g. / Pod red. V.Ja. Ljaudis. M., 1994 (in Russian).

“...k 2015 godu obshhaja chislennost' uchashhihsja vuzov sokratitsja do 5,484 mln, v tom chisle 2,842 mln na besplatnyh mestah i 2,642 mln – na platnyh” [“... by 2015 the total number of students in universities will decrease to 5.484 million, including 2.842 million in free places and 2.642 million in paid places”]. URL: http://www.infox.ru/science/enlightenment/2010/01/03/Fursyenko_iz_za_dye.phtml (in Russian).

Mironov V. Moskovskij universitet konservativen v akademicheskom smysle [Moscow University is conservative in the academic sense]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Moskovskij-universitet-konservativen-v-akademicheskom-smysle> (in Russian).

Mironov V.V. Naukometrija kak raznovidnost' bezumija [Scientometrics as a kind of insanity] // Sokrat. Zhurnal sovremennoj filosofii. 2016. Sent. S. 8–11. URL: <http://socrat-online.ru/page/naukometrija-kak-raznovidnost-bezumija> (in Russian).

Modernizacija rossijskogo obrazovanija: problemy i perspektivy [Modernization of Russian education: problems and prospects] / Pod. red. M.K. Gorshkova, F.Je. Sheregi. M., 2010 (in Russian).

Pantin V.I., Lapkin V.V. Volny politicheskoy modernizacii v istorii Rossii [Waves of political modernization in the history of Russia]. URL: <http://ss.xsp.ru/st/003> (in Russian).

Prikaz Minvuza RF ot 26.03.2002, № 1193 “Ob utverzhdenii na 2003 god velichiny GIFO v zavisimosti ot ih kategorij” [Order of the Ministry of Higher Education of the Russian Federation of March 26, 2002, No. 1193 “On the approval of the size of the GIFO for 2003 depending on their categories”]. M., 2002 (in Russian).